

Исследовательская статья

УДК 22.06 130.2

<https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-4-20-158-171>

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В СФЕРЕ КОНФЕССИОНАЛЬНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ (МОМЕНТЫ ОБЩЕГО И ОСОБЕННОГО В РОССИИ И ЯПОНИИ)

Санами Такахаси¹, Евгений Игоревич Аринин², Ирина Владимировна Погодина³

¹ Государственный Университет Кюсю, Фукуока, Япония

takahashi.sanami.003@m.kyushu-u.ac.jp <https://orcid.org/0000-0001-6584-6937>

^{2,3} Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, Владимир, Россия

² eiarinin@mail.ru <https://orcid.org/0000-0002-6206-8452>

³ ipogodina@vlsu.ru <https://orcid.org/0000-0002-5200-5423>

Аннотация. Проблема интерпретации таких феноменов культуры, как «конфессия» и «межкультурная коммуникация», а также изучение семантического облака, сопровождающего соответствующие понятия, сохраняет свою актуальность в современном научном знании. В статье даётся анализ денотаций и коннотаций, связанных с терминами «конфессия» и «меж-

культурная коммуникация» в русском и японском социокультурных контекстах с позиций нового исследовательского дискурса «глокального» религиозоведения, фокусирующегося на «вернакулярных» особенностях религиозности в России и Японии. Методология Case-study, включающая описание и анализ соотношения разных точек зрения на избранные религиозоведческие концепты, позволяет корректировать теоретический уровень понимания проблем в соответствии с многообразием фактических коммуникативных практик. Рассмотрены сложность и драматизм коммуникации «своих» и «других» на материалах, взятых из сфер истории, массмедиа и академических институций, где «внешнее» и «внутреннее» конкретных сообществ в локальных исторических обстоятельствах может не только радикально меняться, но и специально маркироваться, вплоть до стигматизации той или иной позиции как «неправды» и «беззакония». Описаны два основных типа взаимодействия культур. Первый («этноцентризм» в терминологии М. Беннета) постулирует «непереводимость» утверждений «других», их «замкнутость», что порождает стремление уничтожить «чуждое». Второй («этнорелятивизм») фокусируется на их «открытости» и «родственности», предполагает стремление взглянуть на ре-

© Такахаси С., Аринин Е.И., Погодина И.В., 2021

альность глазами другой стороны, расширив свои возможности и приняв разнообразие, что позволяет начать «диалог». «Обычное», как и «странное», выступают при этом как две перспективы оценки любой «самобытности» в качестве некоторого «единства», где позитивное, как и негативное, призвано способствовать достижению понимания. Феномен «единства» как «сходства неразличимого», с одной стороны, и, с другой, как системного «единства многообразного», рассматривается в контексте дистанцирования «экстралингвистических» социальных фактов от обозначающих их терминов, показав последние как особенные «воображенные единства» и описания «аутопойетических систем».

Ключевые слова: аутопойезис, дискурс, Россия, Япония, конфессия, межкультурная коммуникация, религиоведение, религиозность «вернакулярная»

Благодарности: Исследование поддержано грантом РФФИ, проект № 21-011-44195

Для цитирования: Такахаши С., Аринин Е.И., Погодина И.В. Межкультурная коммуникация в сфере конфессионально-правовых отношений (моменты общего и особенного в России и Японии) // Концепт: философия, религия, культура. — 2021. — Т. 5, № 4. — С. 158–171. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-4-20-158-171>

Research article

INTERCULTURAL COMMUNICATION IN CONFESSIONAL LEGAL RELATIONS (COMMON AND PARTICULAR IN RUSSIA AND JAPAN)

Sanami Takahashi¹, Evgeny I. Arinin², Irina V. Pogodina³

¹ Kyushu State University, Fukuoka, Japan
takahashi.sanami.003@m.kyushu-u.ac.jp

<https://orcid.org/0000-0001-6584-6937>

^{2,3} Vladimir State University, Vladimir, Russia

² earinin@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6206-8452>

³ ipogodina@vlsu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5200-5423>

Abstract. The study of particularities of regional cross-country images of *confession* and *intercultural communication* as well as the semantic image surrounding these concepts is vital in today's social life. The article analyzes denotations and connotations of the terms *confession* and *intercultural communication* in the Russian and Japanese sociocultural contexts from the point of view of a new research discourse — *glocal* religious studies with the focus on vernacular specifics of religiosity in Russia and Japan. The case study methodology includes description and analysis of how various views on certain aspects of religiosity correlate. It makes possible to adjust the theoretical understanding of the problem and weigh it against the variety of real-life communicational practices. The article investigates the complexity and dramatism of communication between members of the *in-group* and others. The study bases on the materials from the history, media and academic discourses where in the *internal* and *external* of particular communities in the given historic circumstances may not only vary significantly, but also be intentionally marked to divide one from the other. Sometimes this demarcation takes a form of stigmatization that label one's perspective as *not-true* or *lawless*. The paper describes two major types of culture: the first one (*ethnocentrism* in terms suggested by M. Bennet) derives from the idea that *other's* statements are *sealed* and cannot be translated thus must be destroyed. The second type — *ethnorelativism* — comes from the idea of *affinity* and *open-*

ness. It is presumed that taking one a different perspective and accepting diversity is empowering and gives start to an intercultural dialogue. *Common* and *particular* are the two basic viewpoints on any identity, when both positive and negative promotes understanding. The phenomenon of *unity as similarity of indistinguishable* (like grains of sand) on the one hand, and *systemic unity of the different* (like people) on the other hand, are considered within the framework of distancing extralinguistic social facts from the term that stand for them. The latter shown as special *imaginary unities* and descriptions of autopoietic systems.

Keywords: autopoiesis, discourse, Russia, Japan, confession, intercultural communication, religious studies, *vernacular* religiosity

Acknowledgements: the research was carried out with the financial support of the RFBR, within the framework of project № 21-011-44195

For citation: Takahashi, S., Arinin, E. I., Pogodina, I. V. (2021) 'Intercultural Communication in Confessional Legal Relations (Common and Particular in Russia and Japan)', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 5(4), pp. 158–171. (In Russian). doi: <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-4-20-158-171>

Введение

Межкультурная коммуникация стала сегодня повседневной реальностью, в том числе и для авторов этого текста, представляющих академические сообщества России и Японии. Мы участвовали в ряде совместных проектов, начиная с XIXth IANR World Congress (Токуо, 2005), что дало благоприятную почву для переосмысления сложившихся этнокультурных стереотипов, тем более, что «мягкая сила» Японии, интерпретируемая как уникальность её языка и культуры, стала сегодня предметом пристального внимания среди специалистов разных профилей [Otmazgin, 2021, Nakano, Zhu, 2020, Winkler, 2019, Япония XXI Nova, 2020; Быкова, 2020; Чугров, 2015].

Описание и анализ разных точек зрения на избранные для исследования концепты опирается на методологию Case-study, позволяющую постоянно корректировать ту или иную теорию сквозь призму и многообразие коммуникативных практик, в том числе и в религиоведении.

Сегодня коммуникация осуществляется на разных языках. Наш анализ опирается на ряд *примеров* региональных образов понятия «конфессия», заимствованных из академического электронного

ресурса «Национальный корпус русского языка» (далее — НКРЯ), поисковых систем (Яндекс и Google) и нескольких языковых версий Википедии (далее — «Вики»), ставшей сегодня глобальным справочником, способствующим до известных пределов межкультурной коммуникации. Концепты, почерпнутые из этих материалов, соотносены с терминологией специализированных академических изданий.

При этом коммуникацию между разными языковыми культурами мы будем отличать от коммуникации в одной языковой среде, где, тем не менее, могут формироваться группы, которые относят друг друга к разным и порой предельно враждебным и «чуждым» субкультурам (к примеру, «элиты»/«псевдоэлиты» и т.п.). Так, к примеру, до настоящего времени внимание исследователей привлекает тот беспрецедентный исторический факт, что весной 1169 г. Андреем Боголюбским (ок. 1111–1174) был организован военный поход группы князей на Киев, закончившийся сожжением города, разграблением Софийского храма и других «обителей Божиих». Однако владимирский летописец описал эту акцию как «Божью кару» за грехи киевлян и «митрополичью неправду»¹. Этот пример (далее: «К-1169») ярко демонстрирует

¹ Лаврентьевская летопись. Полное собрание русских летописей. Том 1. 2-е изд. — Москва, Яз. славян. культуры, 2001. — С. 354.

всю сложность и драматизм коммуникации «своих» и «других».

1. Концепты «конфессия» и «межкультурная коммуникация»

Концепт «конфессия»², эксплицитно сложившийся в Европе как обозначение «братства единоверцев», имплицитно может применяться к социальным объединениям других эпох, культур и традиций, выступая как наименование любой «религиозной юрисдикции» («культового объединения», «религиозной группы» и т.п.). Так, «конфессией» могут именовать православие в России, как, к примеру, на специализированном сайте «Правмир», где утверждается, что «православие — это не отдельная религия, а конфессия христианства»³. В Японии, напротив, синто как привило не относят к рубрике «конфессия», но описывают в качестве специальной категории «национальная религия»⁴ (как это представлено на сайте посольства Японии в России). Исследователи синто в России обращают внимание: сам факт именования некоторых социальных феноменов одним термином предполагает необходимость «увидеть описываемый феномен как единство»; однако в отношении синто сделать это «довольно затруднительно, а может быть, и принципиально невозможно» [Ермакова, 2020: 35].

Противопоставление «единства» и «множественности» здесь — не что иное, как два полюса оценки любой «самобытности» [Коробейникова, 2018; Симония, Торкунов, 2015]. Новые идеи путей воспитания «межкультурной компетенции» [Ивано, 2018] дополняются при этом уточнением рамок, в которых сегодня действуют реальные формы культурного разнообразия;

среди таких рамок выделяются «постмультитурализм» [Куропятник, Куропятник, 2018] и «гибридная глобализация» [Коробейникова, Водопьянова, 2019]. По нашим наблюдениям, идея культурного разнообразия остаётся аксиомой наиболее перспективных с нашей точки зрения теоретических моделей межкультурной коммуникации. Эта аксиома культурной антропологии по-новому проявляет себя в условиях современного общества, где апория «самобытного» как «уникального» ставит вопрос о неповторимости не только каждой культуры, но и каждого индивида [Tamaki, 2019; Шарков, Якушина, 2020; Родичева, Новикова, 2019]. Неустрашимые спонтанность, сложность и динамизм внутреннего мира личности описывается сегодня в том числе в терминах перспективной концепции «вернакулярных» форм религиозности⁵ [Illman, Czimbalmos, 2020; Gatling, 2020]. Как известно, термин «вернакулярная религия» (Vernacular Religion) предложил фольклорист Л. Приммиано (1957–2021) [Primiano, 1995: 37]. Близкую проблематику исследовал К. Гинзбург [Ginzburg, 1976]; в российской науке аналогичные идеи развивали М.М. Бахтин, А.Я. Гуревич, А.А. Панченко. Как отмечает О.Б. Христофорова, «в современной гуманитарной науке большое значение придается изучению ... тех символических “систем координат”, которые определяют повседневную жизнь людей», при этом «термин “вернакулярный”... оказался востребованным прежде всего потому, что выводит изучение повседневного поведения и мышления людей за пределы оппозиций “народное/учёное”, “официальное/неофициальное”, “каноническое/неканоническое” и т.п., подчас излишне жёстко членящих живую ткань действительности и тем самым огра-

² Согласно «Вики», феномен «конфессионализма» сформировался в Европе эпохи Реформации (1517 – 1648), когда началась институционализация и юридическое оформление особых «христианских братств» как «Церквей», дистанцировавшихся друг от друга с помощью «Омологий» (theology, θεολογία, теология, богословье и т.п.) и особых практик нормативного «благочестия».

³ Православие // Правмир. — 2014. — 7 фев. — URL: <https://www.pravmir.ru/pravoslavie/>

⁴ Культура — Религия — Синто // Посольство Японии в России. — 2017. — 16 мар. — URL: https://www.ru.emb-japan.go.jp/itpr_ru/shinto.html

⁵ Гришаева Е.И. Вернакулярная религия // Энциклопедический словарь социологии религии. — Санкт-Петербург, 2017. — С. 42–43.

ничающих возможности научного анализа» [Христофорова, 2016: 259].

Концепт «**межкультурная коммуникация**» встречается в базе данных НКРЯ только в 2-х документах, начиная с 2002 г., тогда как в «Вики» он представлен в статьях на 29 языках; а в «живом языке» таких поисковых систем, как Яндекс и Google, соответственно в 5000 и 575 000 текстах. Русскоязычная версия «Вики» даёт синонимы «cross-cultural communication» и «intercultural communication», тогда как в английской и японской версиях эти термины разделяются (при этом первый относится больше к проектам, фокусирующимся на сравнительном анализе культуры, тогда как второй предполагает выстраивание «мостов» в практической деятельности международных, например дипломатов и переводчиков).

Наш текст фокусируется на некоторых важных аспектах сферы конфессионально-правовых отношений, где, как принято в семиотических исследованиях, мы будем различать знаки (слова), их денотаты и коннотаты, которые образуют языки первого и второго порядка. Языки первого порядка (Я1) выступают как средства «живой» и «естественной» коммуникации (межличностной коммуникации, «interpersonal communication»), то есть непосредственного общения «лицом-к-лицу» или «реакции-на-реакцию» в современном интернете (блоги, комментарии и т.п.). Языки второго порядка (Я2) выступают как средства «книжной», «высокой» или «научной» коммуникации, стремясь выразить универсальную точку зрения на определённый феномен с позиций некоторого «абсолюта» («grand theory» и т.п.).

2. Религиоведческие аспекты российской сферы конфессионально-правовых отношений

Исторически в российской культуре первые формы Я2 эксплицитно оформляются с X в., когда возникает книжная субкультура, а военные элиты династии Рюриковичей (князь и дружина), согласно летописям, принимают в 988 г. универсаль-

ное «благочестие» («правовёрные», «православные» нормы) элит «ἡ Μεγάλητοῦ Χριστοῦ Ἐκκλησία» («Великой Церкви Христовой») как части глобального братства «Rex Christiana». С этого времени начинается создание книжных памятников, где утверждается новый Я2, делящий население на «друзгов» и «недрузгов». «Други» — сторонники «вёры» как «закона» («истины») княжеской элиты, противопоставляемые различным «чужакам», которые понимались различно. Князья развивали межкультурную коммуникацию в ходе междинастических браков и торговли, тогда как церковные элиты разрабатывали идеи активного дистанцирования от «невёрных» («еретиков», «язычников» и т.п.).

Термин «сфера конфессионально-правовых отношений» нуждается в необходимом уточнении, поскольку сам социальный феномен «конфессия», обозначаемый соответствующим словом, присутствующим, по данным НКРЯ, в русском языке только с XX в. (1922) в качестве транслитерации немецкого термина «Konfession» (который, согласно «Вики», на представленных там 33 языках может обозначаться как «religious denomination», «канфесия», «религійна деномінація» и т.п.). Для истории Европы и США все эти слова обозначают юридически признанные властями в том или ином государстве феномены самоопределяющихся социальных «единств», общностей (начиная с «парикий», «экклесий» и т.п.). Все они, описывая себя как «единство своих» (самоуправляющаяся юрисдикция), стремятся устанавливать собственное понимание отношений с высшим началом бытия (Богом, Правдой, Законом, Небом и т.п.), дистанцируясь от других юрисдикций. Интересна политическая проекция этих «единств».

В японской «Вики» слову «конфессия» соответствует иероглиф «教派», «kyōha», который означает 1) subgroup внутри религиозной организации, воспринимающейся как одна религия (синоним «деноминации»); 2) особые группы последователей синтоизма; 3) особые группы последователей собственно «христианских конфессий». В истории Японии термин «kyōha» стал применяться для обозначения религиозных сообществ в эпоху Мэйдзи

(1868 – 1912) и «вестернизации» официальной лексики, при этом буддизм описывался особым синонимом «宗派, shūha», как в СМИ и «Вики», которые, к примеру, описывают суннитов и шиитов как «shūha» ислама.

Следовательно, можно выделить два типа понимания денотатов слова «конфессия», которые, с одной стороны, эксплицитно связаны именно с христианским и европейским контекстом, но, с другой, получили в Новое время более широкое кросскультурное значение (которое, как мы полагаем, присутствует и в других традициях, в частности японской). Первый связан с упоминавшимся ранее утверждением, что «православие — это не отдельная религия, а конфессия христианства», т.е. термин «православие» обозначает особый вид родовой общности «христианство». Второй связан с пониманием отношений дистанцирующихся групп последователей одной традиции, к примеру, православия и старообрядчества как специфических «единств», каждое из которых не считает себя родственным с другим.

В таком контексте важно обратиться к глубинному уровню значений термина «конфессия», который не сводится только к эксплицитной локальной форме некоторого «вероисповедального единства», возникшего в определённое время в определённом месте (поствестфальской Европе), но выражает фундаментальное стремление человека устанавливать своё собственное понимание подлинных отношений с миром «незримого» («неизвестного», «тайного» и т.п.). В разных культурах эта таинственная область получала особенные наименования — Ζεύς, Iuppiter, יהוה, Θεός, Deus, Τριάς, Trinitas, Бог и т.п.

Исследователи отмечают, что в японской культуре нет специального термина, обозначающего «Бога», «божеств» или «нечто божественное» в европейском смысле. Термин «ками» (神), который в русской «Вики» описан как «духовная сущность, бог», является предельно многозначным, вплоть до парадоксальных для европейской культуры утверждений, что «на уровне самосознания человек считает себя неверующим», тогда как «на уровне

поведения... он демонстрирует приверженность синто-буддистским обрядовым традициям и установлениям» [Ермакова, 2020: 36]. Вместе с тем, Япония может быть описана именно как «страна богов/ками» (神国). Эта точка зрения дистанцируется от выражения «страна Будды»: согласно Н.Н. Трубниковой, элиты японского общества в определённые периоды считали, что «основной задачей святилищ “родных богов” и буддийских храмов было поддержание должного хода вещей средствами обряда, “защита страны”, тинго кокка», при этом иногда «ками мыслятся как исконно японские боги и противопоставляются иноземным буддам, бодхисаттвам и прочим существам, чтимым в буддизме»; в других случаях «боги ками, предки государева рода и знатнейших чиновных родов, нередко выступают в одном ряду с иноземными божествами» [Трубникова, 2012: 86].

Сходная многозначность характерна и для европейской культуры в последние 500 лет, где утвердился критерий «допущенности государством», который стал разделительным маркером «конфессии» («вероисповедания») и «религии» как таковой, дистанцируемой со времен Цицерона (Marcus Tullius Cicero, 106–43 гг. до н.э.) как «закон» от «суеверия» (superstitio), включавшего «магию» («колдовство») и т.п. «предрассудки» («беззакония») [Аринин, Маркова, Такахаси, 2019: 171].

Исторически в латинской культуре термин «confessio» обозначал как древнюю практику собственно «исповеди» (христианского таинства) перед Богом как Высшим Судьей, так и античные дохристианские практики «признания», которое делал обвиняемый в ходе обычного судебного разбирательства, «сознаваясь» в совершённом проступке. Сегодня термин «конфессия» обозначает во многих российских изданиях группу сходных сообществ, собирательно объединяемых т.н. «конфессионимами» («православие», «лютеранство», «старообрядчество» и т.п.). В таком контексте очевидно, что необходима разработка корректного категориального аппарата в интерпретации разных типов религиозных сообществ. Это важно не только в академическом плане, но также в

юридическом и этическом контекстах, поскольку позволяет избежать оскорбления религиозных чувств сограждан и обострений конфликтов в межконфессиональных отношениях.

Конфессиональное издание РПЦ «Православная энциклопедия» отмечает, что существует объективное различие между разными типами тех общностей, которые собирательно относят к категории «конфессия». Здесь описывается термин «конфессия» (далее в цитате: К.) на своём Я2 как обозначение сообществ, характеризующихся появлением особенностей «в результате разделений общин верующих», лежащих «в вероучительной области», отличающихся от разрыва «евхаристического общения вследствие раскола», обращая внимание и на то, что «в практике ... РПЦ, различают К. и секты», которые, в свою очередь «следует отличать также от деноминаций»⁶.

3. Религиоведческие аспекты японской сферы конфессионально-правовых отношений

История Японии знает несколько периодов, когда власти законодательно устанавливали и изменяли формы «религии» элит и народа страны, известные в России под названиями «синто», «буддизм» и «конфуцианство» (при этом «даосизм» японцы считают не «религией», а философским учением, распространившимся среди элиты и оказавшим влияние на культуру и этику, хотя в российских изданиях можно встретить упоминание о нём как о «религии»⁷.

Как известно, современное положение дел в Японии утвердилось после Второй мировой войны, когда была принята новая Конституция (日本国憲法, 1947), которая

гарантировала основные права человека, включая «свободу вероисповедания» и «отделение государства от религий» (信教の自由と政教分離). В статье 20 сказано, что «свобода религии гарантируется для всех», а «государство и его органы должны воздерживаться от проведения религиозного обучения и какой-либо религиозной деятельности»⁸. Статья 19 гарантирует, что «свобода мысли и совести не должна нарушаться» (思想及び良心の自由). Все эти позиции, тем не менее, не содержат термина «религии» (宗教), сохраняющего в японском языке, как и в других, сложную и противоречивую семантику. После Второй мировой войны была отменена существовавшая ранее система «государственного синтоизма» (国家神道, 1868 – 1946). Новый закон о религиозных корпорациях как юридических лицах (宗教法人法, 1951) сменил довоенный закон о религиозных общинах (宗教団体会法, 1939), перечень которых не включал в себя синтоизм, наделявший тогда особым разделительным статусом в качестве государственного института общих для всех церемониалов, ритуалов и моральных норм. Закон 1951 г. зафиксировал современный правовой статус религиозных групп как самоуправляющихся сообществ, включая правила их признания и контроля со стороны государства, возможность владеть храмами и т.п. и запрещая при этом государственным органам вмешиваться в дела отправления служб и другие религиозные практики.

В июле 1952 г., сразу после обретения независимости, японское правительство учредило Агентство общественной безопасности и расследований (公安調査庁, АОБР) и приняло новый закон «о предотвращении подрывной деятельности» (破壊活動防止法, ППД). Закон установил 1) административные меры, позволяющие контролировать и регулировать деятель-

⁶ Цыпин Владислав Прот., Конфессия // Православная Энциклопедия. Т. 37. — Москва: ЦНЦ «Православная Энциклопедия», 2015. — С. 471.

⁷ Так, в справочном религиоведческом издании отмечено, что слово «даосизм» выступает как «термин европейской науки, обозначающий одно из главных направлений китайской философии и традиционную религию Китая». Торчинов Е.А., Филонов С.В. Даосизм // Энциклопедия религий. — Москва: Академический проект, 2008. — С. 347.

⁸ Конституция Японии // Юридическое агентство Legal NS Пермь. — URL: <https://legalns.com/download/books/cons/japan.pdf>

ность организаций, ведущих террористическую подрывную деятельность именно как организованную активность; 2) наказания за террористическую подрывную деятельность, тем самым способствуя обеспечению общественной безопасности⁹. Целью закона было предотвращение потенциально возможных террористических атак в условиях начала «холодной войны» с СССР и набиравших влияние в США идеи Д. Маккарти (Joseph Raymond McCarthy, 1908–1957). В этот период началось преследование политических групп, включая т.н. «Red Purge» («Красная чистка») и массовые увольнения сочувствующих компартии со стороны представителей локально-го «маккартизма»¹⁰.

Главной частью этого закона стало установление ряда административных норм (включая ликвидацию «подрывных объединений»); нормы эти, однако, никогда не применялись на практике. При этом статья 2 специально подчёркивала, что «в связи с тем, что этот Закон имеет серьёзное отношение к основным правам человека, он должен применяться только в минимальной степени, необходимой для обеспечения общественной безопасности, и ни при каких обстоятельствах не подлежит расширенному толкованию», дабы не перейти «в отклонение от предписанных полномочий для необоснованного ограничения свободы мысли и вероисповедания или любых других свобод или прав граждан, гарантированных Конституцией Японии»¹¹.

Общественная полемика вокруг этих нормативных положений началась после резонансной химической атаки 20 марта 1995 г. в токийском метрополитене, совершённой последователями группы «Аум Синрикё» (организация запрещена на территории Российской Федерации) (オウム真理教, далее — «АС»), т.н. «японского апокалиптического культа», основанного в 1984 г. Мацумото Тидзую (松本智津夫, 1955–2018), принявшего в 1986 г. имя Сёко Асахара (麻

原彰晃). Эта акция унесла жизни 13 человек, пострадали около 6000. АОБР начало расследование деятельности «АС» на основании норм ППД, однако последние так и не были применены к ней как особой организации. «АС» была зарегистрирована в Токио в 1989 г., распространившись в ряде других стран мира, включая Россию. 30 октября 1995 г. Окружной суд Токио лишил её статуса религиозного юридического лица и конфисковал её собственность, что было поддержано Верховным судом Токио 19 декабря того же года и, наконец, Верховным судом Японии 31 января 1996 г. В 1999 г. парламент принял специальный «Закон о контроле за группами, совершающими акты неизбирательных массовых убийств» (無差別大量殺人行為を行った団体の規制に関する法律, сокращённо — «новый закон АС»).

В «Вики» статьи о «АС» представлены на 40 языках, а само сообщество, хотя его руководство первоначально и отрицало свою причастность к инциденту, было запрещено в ряде стран мира, включая и Россию (1995), попав в категорию «proscribed terrorist organizations» («запрещённые террористические организации») ¹². Расследование длилось до 2004 г., а большинство приверженцев «АС» в Японии (около 10 000), согласно их заявлениям не знали о готовящемся теракте и не участвовали в нём. Сохранившееся сообщество последователей Асахары с 2000 г. отказалось от дискредитированного названия, приняв наименование «Алеф» («アレフ») и изменив ряд положений своего учения. Они, стремясь выйти из-под контроля норм «нового закона АС», публично принесли извинения семьям жертв, основав специальный компенсационный фонд для выплат пострадавшим в трагедии, хотя в их иерархии сохраняют влияние члены бывшего руководства и семьи Асахары, почитатели его культа. В 2007 г. от этого сообщества отделилась группа «Круг света радуги» (ひか

⁹ ППД // Wikisource. — URL: https://en.wikisource.org/wiki/Subversive_Activities_Prevention_Act

¹⁰ Red Purge // Wikipedia. — URL: https://de.wikipedia.org/wiki/Red_Purge

¹¹ ППД.

¹² Скандал вокруг секты «Аум Синрикё» // Коммерсантъ. — 1995. — 25 мар. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/105200#id2118238>

りの輪, «КСР»), публично отказавшаяся от почитания Асахары.

В «Вики» есть статьи «Религиозно-политический экстремизм» (только на русском) и «Религиозный экстремизм» (на русском, узбекском и украинском), а термин «Религиозные террористические организации» отсутствует вообще, обозначая только особую собирательную «категорию», включающую в себя ряд статей, в том числе и о «АС». Это отражает глобальную ситуацию, где, как хорошо известно, сообщества, предельно негативно именуемые в одних случаях «экстремистскими» и «террористическими», в других могут принципиально позитивно квалифицироваться как «борцы за народное освобождение», — как, к примеру, описывались «народовольцы» («Народная воля», 1879–1887) в Российской империи и СССР. В японском законодательстве юридический термин «религиозная организация» (宗教団体), как и в международном праве, принято дистанцировать от таких публицистических терминов, как «cult» или «секта», наделённых негативными коннотациями. Предельное число отрицательных маркировок представлено в статье об «АС» на сайте русской версии «Вики», где это сообщество описано как «неорелигиозная», «синкретическая», «милленаристская», «террористическая», «экстремистская», «тоталитарная», «деструктивная секта» и «псевдобуддийское новое религиозное движение».

Английская «Вики» характеризует «АС» как «Japanese doomsday cult» («японский культ судного дня») и «terrorist organization»; немецкая, ссылаясь на терминологию массмедиа, как «Aum-Sekte», а японская — как «новое религиозное движение» (新興宗教, Shinkou Shūkyō, НРД). Этот термин распространился в японском языке после Второй мировой войны, приобретая по мере роста числа новых религиозных движений и их приверженцев в 1960-е – 1970-е гг. негативные коннотации. Наряду с ним в академической и медийной среде

распространилось более нейтральное выражение 新宗教 (Shin Shūkyō), дистанцирующееся от «презрительной» семантики. В повседневном общении и сегодня больше используется Shinkou Shūkyō¹³.

В современном японском обществе вторгаться в сферу личных убеждений и верований считается бестактным и неэтичным, особенно — путём полицейского контроля. Вместе с тем, после публичного судебного разбирательства над «АС» и дочерними сообществами, Верховный суд Токио объявил в январе 2015 г., что обе группы («Алеф» и «Круг света радуги») будут находиться под наблюдением ещё три года. Окружной суд Токио в 2017 г. отменил расширенный надзор за «КСР» после судебных исков со стороны приверженцев этой группы, но продолжал держать «Алеф» под наблюдением. Правительство обжаловало отмену, а в феврале 2019 г. Верховный суд Токио отменил упомянутое решение суда низшей инстанции, возобновив наблюдение, сославшись на отсутствие серьёзных изменений между «АС» и «КСР». АОБР совместно с полицией до настоящего времени держит эти организации под особым надзором.

Для российских авторов иногда представляется странным то, что в Японии на уровне массового сознания сохраняется культурная память о 250-летних преследованиях христиан как «邪宗門» (Jyashūmon, «дурное, варварское учение»), хотя первые христиане (миссионеры ордена Societas Jesu) прибыли в страну в XVI в., но, вмешавшись в политические противостояния того времени, вызвали охранительную реакцию властей, запрет «учения» и закрытие страны до второй половины XIX в. [Mullins, 1998: 2].

Сегодня христианами всех конфессий является около 1 % населения, которые, включая «вернакулярные» формы христианства, оказали большое влияние на японское общество, несмотря на свою малочисленность¹⁴. Так, под влиянием Кандзо

¹³ コメントの追加 [沙奈美1]: Yoshitaka Inoue ed., "Encyclopedia Of New Religious Movements (Reduced edition)" Tokyo: Kobundo, 1994, 2-5. 井上, 順考ほか編『縮刷版 新宗教辞典』(光文堂、1994)、2-5頁。P. 2-5.

¹⁴ Гришаева Е.И. Вернакулярная религия // Энциклопедический словарь социологии религии. — Санкт-Петербург: Платоновское философское о-во, 2017. — С. 42–43.

Утимура (内村鑑三、1861–1930), основателя ставшего очень известным «бесцерковного движения» (無教会主義), находились президенты Токийского университета экономист Тадао Янайхара (矢内原忠雄, 1893–1961) и политолог Шигеру Намбара (南原繁, 1889–1974), многие другие выдающиеся учёные и мыслители [Mullins, 1998]. Исследователи отмечают и роль влиятельных в стране, т.н. «mission school» (ミッションスクール), то есть университетов с христианской базой, составляющих около 11% от всех высших учебных заведений [Fujiwara, 2005: 356–357].

Японское православное сообщество сформировалось во второй половине XIX в. под влиянием талантливой проповеди Николая Японского (И.Д. Касаткин, 1836–1912), по словам которого первоначально «японцы смотрели на иностранцев, как на зверей, а на христианство — как на злодейскую секту, к которой могут принадлежать только преступники...»¹⁵. Первым обращённым оказался Павел Савабэ Такума (沢辺 琢磨, 1834–1913), бывший самурай, который, будучи убеждённым в том, что все иностранцы являются погубителями страны, пришёл к будущему святителю Николаю, чтобы его убить, однако тот начал беседу и в результате крестил гостя, отметив, что «только помощь Божия спасла меня тогда от неминуемой смерти» и он «спасся только чудом», поскольку «в душе Савабэ произошёл неожиданный переворот»¹⁶. В результате его харизмы и самоотверженного служения до конца XIX в. Японская православная церковь (日本ハリストス正教会, далее — ЯПЦ), стала насчитывать 26 000 человек, что составило 20% от всего христианского населения страны [Суханова, 2013: 21].

Само имя «Николай» как «Никорай-до» («храм Николая», ニコライ堂) стало народным обозначением Собора Воскресения

Христова (東京復活大聖堂) в Токио, места его расположения и самого учения. Однако после смерти святителя Николая на японскую церковь выпали многократные испытания. В те годы ЯПЦ ещё не имела финансовой базы внутри страны, церковь поддерживалась только пожертвованиями из России, которые закончились после октября 1917 г., в период формирования новой религиозной политики в Советской России. В 1923 г. произошло сильное землетрясение в Токио, в результате которого «храм Николая» серьёзно пострадал. В дальнейшем по мере того, как японская власть усилила систему государственного синтоизма, христианские общины оказались под строгим наблюдением государства, а митрополит Сергей (Тихомиров, 1871–1945), преемник и сподвижник Николая Японского, был вынужден уйти на покой. В 1945 г. он был арестован по подозрению в шпионаже в пользу СССР и подвергнут пыткам, подорвавшим его здоровье и приведшим к кончине вскоре после освобождения. Окончание войны сопровождалось конфликтами внутри ЯПЦ, вызванными противостоянием между Московской патриархией и Митрополией северной Америки (Orthodox Church in America), в результате которых было потеряно значительное число верующих. ЯПЦ в 1970 г. получила автономию вместе с Американской Церковью (в статусе автокефалии). По данным японского агентства культурных дел 2020 г., число последователей ЯПЦ насчитывает 9468 человек, а священнослужителей — 25 (все японские граждане)¹⁷. В последнее время в общинах ЯПЦ собираются не только верующие, наследовавшие традицию от своих православных родителей или граждан иного (русского, украинского, белорусского, румынского и т.д.) происхождения, но и переходившие из других конфессий. В этом смысле ЯПЦ ста-

¹⁵ Касаткин И.Д. арх. яп. Николай. Избранные ученые труды святителя Николая архиепископа Японского. — Москва: Правосл. Св.-Тихоновский гуманитарный ун-т, 2006. — С. 6.

¹⁶ Страгородский И.Н. архим. Сергей. По Японии: (Записки миссионера). — Москва: Крутиц. патриаршее подворье, 1998. — С. 195–196.

¹⁷ 文化庁編、宗教年鑑〈令和2年度版〉 — URL: https://www.bunka.go.jp/tokei_hakusho_shuppan/hakusho_nenjihokokusho/shukyo_nenkan/pdf/r02nenkan.pdf

ла сообществом, где контактируют самые разные национальности, традиции и конфессиональные «бэкграунды».

Выводы.

Термин «конфессия» как обозначение особого самоопределяющегося («аутопойетического») социального феномена и определённого «единства», нуждается в уточнении с позиций идущего из античной традиции различения «общности» как «сходства неразличимого» (однородности), с одной стороны, и, с другой, как «организма многообразных частей» (живого и системного целого). Востоковедение и особенно японистика (японоведение) дают богатый и содержательный материал, позволяющий переосмысливать евро-

центризм распространённых в массмедиа, религиоведческой и конфессиональной литературе представлений, редуцирующих сложный и многоплановый внутренний мир индивида к тем или иным воображённым схемам и стереотипам. Межкультурная коммуникация является необходимой частью современной социальной жизни, требуя постоянного возвращения к анализу денотаций и коннотаций, в том числе в русском и японском социокультурных контекстах, базовых терминов с позиций «глокального» религиоведения, признающего неустранимую «вернакулярность» любой личной религиозности, т.е. того, что индивидуальное отношение с «миром неизвестного» всегда богаче нормативных образцов, формируемых конфессиями и политическими проектами.

Список литературы:

Аринин Е. И., Маркова Н.М., Такахаси С. Термин «религия» в контексте «глокального» подхода к межкультурной коммуникации в России и Японии // Концепт: философия, религия, культура. — 2019. — № 4. — С. 164–177. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2019-4-12-164-177>

Быкова С.А. Культура народов России и Японии в пособии по устному переводу // Японский язык в вузе: актуальные проблемы преподавания. Материалы международной научно-методической конференции. — Москва: Ключ-С, 2020. — С. 52–59.

Ермакова Л.М. Когда раскрылись Небо и Земля: Миф, ритуал, поэзия ранней Японии. Т.1. Исследования. — Москва: Наука, 2020. — 438, [1] с.

Ивано М. Воспитание межкультурной компетенции как цель высшего образования: актуальность программы «Глобализация Японии» в Префектурном университете Ямагути // Ярославский педагогический вестник. — 2018. — № 5. — С. 392–398. <https://doi.org/10.24411/1813-145X-2018-10190>

Коробейникова Л.А. Глобализация в контексте культурного разнообразия // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. — 2018. — № 30. — С. 73–80. <https://doi.org/10.17223/22220836/30/8>

Коробейникова Л.А., Водопьянова Е.В. Гибридная глобализация: идеи и концепции // Вестник Томского государственного университета. — 2019. — № 447. — С. 83–87.

Куропятник А., Куропятник М. Постмультикультурализм и культурное разнообразие в эпоху глобализации // Международные процессы. — 2018. — Т. 16, № 1. — С. 29–39. <https://doi.org/17994/IT.2018.16.1.52.3>

Родичева И.С., Новикова О.С. Философия дзэн-буддизма как фактор становления самоидентификации в японском обществе // Идеи и идеалы. — 2019. — Т. 11, № 4–2. — С. 429–442. <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2019-11.4.2-429-442>

Симония Н.А., Торкунов А.В. Новый мировой порядок: от биполярности к многополюсности // Полит. Политические исследования. — 2015. — № 3. — С. 27–37. <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.03.03>

Суханова Н.А. История Японской Православной Церкви в XX веке. — Санкт-Петербург: Алетейя, 2013. — 376 с.

Трубникова Н.Н. Рассуждения о Японии как «Стране богов» в XIII в. // Вопросы философии. — 2012. — № 8. — С. 85–94.

- Христофорова О.Б. Опознать беса. Часть 1: Вернакулярные теории болезней и методы символического лечения // In Umbra: демонология как семиотическая система: альманах № 5. — Москва: Индрик, 2016. — С. 259-275.
- Чугров С.В. Мягкое притяжение Японии // Полис. Политические исследования. — 2015. — № 6. — С. 53–67. <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.06.08>
- Шарков Ф.И., Якушина О.И. Концептуальные модели межкультурных отношений в процессе формирования идентичностей индивидов и групп // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2020. — № 2. — С. 385–404. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.769>
- Япония XXI Nova: эра и век: Исследования российских и зарубежных учёных, посвящённые наступлению девиза годов Рэйва [Вопросы японоведения №8] / В.М. Алпатов, С.И. Амара, Е. Аракава [и др.]. — Санкт-Петербург: Art-xpress, 2020. — 626 с.
- Fujiwara Satoko, Survey on Religion and Higher Education in Japan // Japanese Journal of Religious Studies. — 2005. — Vol 32, No. 2. — Pp. 353–370. <https://doi.org/10.18874/jjrs.32.2.2005.353-370>
- Gatling B. There isn't belief, just believing: Rethinking belief as a keyword of folklore studies // Journal of American Folklore. — 2020. — Vol. 133, № 529. — P. 307–328. <https://doi.org/10.5406/jamerfolk.133.529.0307>
- Ginzburg C. Il formaggio e i vermi: il cosmo di un mugnaio del '500. — Torino: Einaudi, 1976. — xxxi, 196 p.
- Illman R., Czimbalmos M. Knowing, being, and doing religion: Introducing an analytical model for researching vernacular religion // Temenos. — 2020. — Vol. 56, № 2. — P. 171. <https://doi.org/10.33356/temenos.97275>
- Mullins M.R. Christianity Made in Japan: A Study of Indigenous Movements. — Honolulu: University of Hawaii Press, 1998. — 288 pp.
- Nakano R., Zhu Y. Heritage as soft power: Japan and China in international politics // International Journal of Cultural Policy. — 2020. — Vol. 26, № 7. — Pp. 869–881. <https://doi.org/10.1080/10286632.2020.1845322>
- Otmazgin N. An "East Asian" Public Diplomacy? Lessons from Japan, South Korea, and China // Asian Perspective. — 2021. — Vol. 45, № 3. — Pp. 620–624. <https://doi.org/10.1353/apr.2021.0029>
- Primiano L.N. Vernacular Religion and the Search for Method in Religious Folklore // Western Folklore. — 1995. — Vol. 54, № 1. — P. 37. <https://doi.org/10.2307/1499910>
- Tamaki T. Repackaging national identity: Cool Japan and the resilience of Japanese identity narratives // Asian Journal of Political Science. — 2019. — Vol. 27, № 1. — Pp. 108–126. <https://doi.org/10.1080/02185377.2019.1594323>
- Winkler S.C. 'Soft power is such a benign animal': narrative power and the reification of concepts in Japan // Cambridge Review of International Affairs. — 2019. — Vol. 32, № 4. — Pp. 483–501. <https://doi.org/10.1080/09557571.2019.1623171>

References:

- Alpatov, V. M., Amara, S. I. and Arakava, E. (2020) *Japan XXI Nova* [«Issues of Japanology №8]. Saint Petersburg: Art-xpress Publ. (In Russian).
- Arinin, E. I., Markova, N. M. and Takahashi, S. (2020) 'The Term "Religion" in the Context of the "Glocal" approach to Intercultural Communication in Russia and Japan', *Concept: philosophy, religion, culture*, (4), pp. 164–177. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2019-4-12-164-177>
- Bykova, S. A. (2020) 'Kul'tura narodov Rossii i Yaponii v posobii po ustnomu perevodu [The culture of the peoples of Russia and Japan in an interpretation manual]', in *Yaponskiy yazyk v vuze: aktual'nyye problemy prepodavaniya [Japanese at the University: Actual Problems of Teaching: Conference Proceedings]*. Moscow: Kluch-S Publ., pp. 52–59. (In Russian).
- Chugrov, S. V. (2015) 'Soft Attraction of Japan', *Polis. Political Studies*, (6), pp. 53–67. (In Russian). <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.06.08>

Ermakova, L. M. (2020) *Kogda raskrylis` Nebo i Zemlja: Mif, ritual, poeziia rannei Iaponii. T. 1. Issledovanija [When Heaven and Earth Revealed: Myth, Ritual, Poetry of Early Japan. Vol. 1. Research]*. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).

Fujiwara, S. (2005) 'Survey on Religion and Higher Education in Japan', *Japanese Journal of Religious Studies*, 32(2), pp. 353–370. <https://doi.org/10.18874/jjrs.32.2.2005.353-370>

Gatling, B. (2020) 'There isn't belief, just believing: Rethinking belief as a keyword of folklore studies', *Journal of American Folklore*, 133(529), pp. 307–328. <https://doi.org/10.5406/jamerfolk.133.529.0307>

Ginzburg, C. (1976) *Il formaggio e i vermi: il cosmo di un mugnaio del '500*. Torino: Einaudi.

Illman, R. and Czimbalmos, M. (2020) 'Knowing, being, and doing religion: Introducing an analytical model for researching vernacular religion', *Temenos*, 56(2), p. 171. <https://doi.org/10.33356/temenos.97275>

Iwano, M. (2018) 'Intercultural Personality as a Goal of Higher Education: Relevance of the Program Go Global Japan» in Yamaguchi Prefectural University', *Āroslavskij pedagogičeskij vestnik*, (5), pp. 392–398. (In Russian). <https://doi.org/10.24411/1813-145X-2018-10190>

Khristoforova, O. B. (2016) 'Opoznat' besa. Chast' 1: Vernakulyarnyye teorii bolezney i metody simvolicheskogo lecheniya [Identify the demon. Part 1: Vernacular Theories of Disease and Methods of Symbolic Healing]', in *Umbrā: Demonology as a Semiotic System: Anthology № 5*. Moscow: Indrik Publ, pp. 259–275. (In Russian).

Korobeynikova, L. A. (2018) 'Globalization in the Context of Cultural Diversity', *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie*, (30), pp. 73–80. (In Russian). <https://doi.org/10.17223/22220836/30/8>

Korobeynikova, L. A. and Vodopianova, E. V. (2019) 'Hybrid Globalization: Ideas and Concepts', *Tomsk State University journal*, (447), pp. 83–87. (In Russian).

Kuropjatnik, A. and Kuropjatnik, M. (2018) 'Post-multiculturalism and Cultural Diversity in the Age of Globalization', *International Trends*, 16(1), pp. 29–39. (In Russian). <https://doi.org/10.17994/IT.2018.16.1.52.3>

Mullins, M. R. (1998) *Christianity Made in Japan: a Study of Indigenous Movements*. Honolulu: University of Hawaii Press.

Nakano, R. and Zhu, Y. (2020) 'Heritage as soft power: Japan and China in international politics', *International Journal of Cultural Policy*, 26(7), pp. 869–881. <https://doi.org/10.1080/10286632.2020.1845322>

Otmazgin, N. (2021) 'An "East Asian" Public Diplomacy? Lessons from Japan, South Korea, and China', *Asian Perspective*, 45(3), pp. 620–624. <https://doi.org/10.1353/apr.2021.0029>

Primiano, L. N. (1995) 'Vernacular Religion and the Search for Method in Religious Folklife', *Western Folklore*, 54(1), p. 37. <https://doi.org/10.2307/1499910>

Rodicheva, I. and Novikova, O. (2019) 'The Philosophy of Zen Buddhism as a Development Factor for Self-Identification in Japanese Society', *Ideas and Ideals*, 11(4–2), pp. 429–442. (In Russian). <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2019-11.4.2-429-442>

Sharkov, F. I. and Yakushina, O. I. (2019) 'Conceptual Models of Intercultural Communication in Individual and Group Identities' Formation', *The monitoring of public opinion economic & social changes*, (2), pp. 385–404. (In Russian). <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.769>

Simonia, N. A. and Torkunov, A. V. (2015) 'New world order: from bipolarity to multipolarity', *Polis. Political Studies*, (3), pp. 27–37. (In Russian). <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.03.03>

Sukhanova, N. (2013) *Istorija Japonskoj Pravoslavnoj Cerkvi v XX veke [History of the Japanese Orthodox Church in the 20th century]*. Saint Petersburg: Aleteia Publ. (In Russian).

Tamaki, T. (2019) 'Repackaging national identity: Cool Japan and the resilience of Japanese identity narratives', *Asian Journal of Political Science*, 27(1), pp. 108–126. <https://doi.org/10.1080/02185377.2019.1594323>

Trubnikova, N. N. (2012) 'Rassuzhdeniia o Iaponii kak "strane bogov" v XIII v [Reasoning about Japan as the "Land of the Gods" in the XIII century]', *Voprosy Filosofii*, (8), pp. 85–94. (In Russian).

Winkler, S. C. (2019) "'Soft power is such a benign animal": narrative power and the reification of concepts in Japan', *Cambridge Review of International Affairs*, 32(4), pp. 483–501. <https://doi.org/10.1080/09557571.2019.1623171>

Информация об авторах

Санами Такахаси — PhD (философия), доцент гуманитарно-экологического факультета, Государственный Университет Кюсю, 744 Мотоока, Ниши-ку, Фукуока, 819-0395. (Япония)

Евгений Игоревич Аринин — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и религиоведения Гуманитарного института Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, 600000, Владимир, ул. Горького, 87 (Россия)

Ирина Владимировна Погодина — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой финансового права и таможенной деятельности Юридического института Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, 600000, Владимир, ул. Горького, 87 (Россия)

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors

Sanami Takahashi — PhD in Philosophy, Associate Professor at the Faculty of Human-Environment Studies, Kyushu University, 744 Motoooka, Nishi-ku, Fukuoka, Japan, 819-0395 (Japan)

Evgeny I Arinin — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Religious Studies, Vladimir State University, 87, Gorky Str., Vladimir, Russia, 600000 (Russia)

Irina V Pogodina — PhD in Law, Docent, Head of the Department of Financial Law and Customs, Vladimir State University, 87, Gorky Str., Vladimir, Russia, 600000 (Russia)

Conflicts of interest. The authors declare absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 01.11.2021; одобрена после рецензирования 23.11.2021; принята к публикации 03.12.2021.

The article was submitted 01.11.2021; approved after reviewing 23.11.2021; accepted for publication 03.12.2021.